

Л. В. Педченко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Содержательная мотивированность слов *баба*, *дед* и их дериватов
(в контексте работы А. А. Потебни
«О связи некоторых представлений в языке»)**

Педченко Л. В. Змістовна умотивованість слів *баба*, *дед* та їх дериватів (у контексті роботи О. О. Потебні «О связи некоторых представлений в языке»). У статті здійснюється спроба виявити характер умотивованості предметних значень російських діалектних слів з коренями *баб-* та *дед-*. Спираючись на теоретичні положення й конкретні спостереження О. О. Потебні, автор приходять до висновку про існування мотиваційного семантичного зв'язку між первинними та вторинними значеннями досліджуваних лексем. Виявляється когнітивна модель, яка могла детермінувати відповідний семантичний перенос.

Ключові слова: діалектна лексика, етимологія, змістовна умотивованість, когнітивна модель.

Педченко Л. В. Содержательная мотивированность слов *баба*, *дед* и их дериватов (в контексте работы А. А. Потебни «О связи некоторых представлений в языке»). В статье предпринимается попытка выявить характер мотивированности предметных значений русских диалектных слов с корнями *баб-* и *дед-*. Опираясь на теоретические положения и конкретные наблюдения А. А. Потебни, автор приходит к выводу о существовании мотивационной семантической связи между исходными и вторичными значениями исследуемых лексем. Выявляется когнитивная модель, которая могла детерминировать соответствующий семантический перенос.

Ключевые слова: диалектная лексика, этимология, содержательная мотивированность, когнитивная модель.

Pedchenko L. V. Notional motivation of the words “*баба*”, “*дед*” and their derivatives (in the context of work by A. A. Potebnja. “About the relations between several conceptions in the language”). In this article the author attempts to bring to light the character of the motivation of the objective meanings of Russian dialectal words with the radix “*баб-*”, “*дед-*”. The author relies on the theory by A. A. Potebnja and comes to the conclusion about existence of the motivation semantic link between the initial and the lateral meanings of the studied lexemes. During the examination a cognitive pattern which could determine correspondent transfer is brought out.

Key words: dialectal lexis, etymology, notional motivation, cognitive pattern.

Многогранное творческое наследие А. А. Потебни достаточно глубоко исследовано. Идеи великого ученого осмысляются, переосмысляются и развиваются каждым новым поколением филологов, философов, психологов, однако огромный эвристический потенциал, заложенный в трудах А. А. Потебни, далеко не исчерпан. Они продолжают служить источником творческой энергии для решения как широких, глобальных проблем, так и частных вопросов современной филологической науки.

Настоящая статья посвящена одному из таких частных вопросов. Мы ставим перед собой цель – опираясь на идеи А. А. Потебни, выявить содержательную мотивированность ряда этимологически «темных» русских диалектных слов – лексем *баба*, *дед* и их дериватов в предметных значениях. В данной статье мы обращаемся к одной из ранних работ А. А. Потебни – «О связи некоторых представлений в языке» (1864).

Под *представлением* Потебня понимает «тот признак, посредством коего слово выражает содержание мысли» [3:329]. «...Собственное значение слова, считает А. А. Потебня, – не есть полное содержание мысли, связанной со словом,

а только один признак, обозначающий эту мысль, ...слово есть *представление* мысли. ...изменение значений одного и того же слова и образование от известного слова новых слов устанавливает прежде всего связь представлений, а потом – всего того, что мыслится под представлениями. В этом установлении связи обнаруживается влияние языка на мысль. Принятое в языке сочетание представлений становится исходною точкой всех говорящих этим языком» [3:329–330]. Идея А. А. Потебни о влиянии языка на характер мышления говорящих на данном языке получает свое развитие в рамках современной антропологической лингвистики, которая постулирует двусторонний характер связи языка и мышления. Так, Ю. Д. Апресян, рассуждая о наивной картине мира, которую он отождествляет с языковой картиной мира, в частности пишет «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (=концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка (выделено нами – Л. П.)» [1:38–39].

Каким же образом происходит трансляция языковых связей и отношений в когнитивную сферу? На один из возможных способов указывает Потебня. «Известное сочетание представлений, – пишет ученый, – принятое в слове одного корня, по несколько раз повторяется в словах других корней, последующие образования подчиняются аналогии с предшествующими. Так, например, в нескольких словах различного происхождения замечен один и тот же переход от быстрого движения к хитрости и уму. Повторение одинакового способа сочетаний образует привычку мысли [выделено нами – Л. П.]» [3:330]. Именно этим свойством языкового мышления, по-видимому, объясняется замеченная Ю. С. Степановым ограниченность свободы выбора («случайности») признака номинации (мотивировочного признака). Полемизируя с Б. А. Серебренниковым, Ю. С. Степанов приходит к выводу о том, что «признак первичного (а также и последующего переноса имени, т.е. наименования вторичного) кажется случайным лишь при неправильно выбранной точке зрения, – а именно тогда, если рассматриваются разрозненные случаи вне тех семантических рядов, к которым они принадлежат. Напротив, в пределах своего семантического ряда, – если он правильно выбран исследователем, – признаки именования вовсе не предстают как случайные. Или, говоря точнее, разброс в выборе признаков может быть достаточно велик, но никогда, по-видимому, не выходит за границы определенного семантического ряда» [6:61].

Системный подход к ономастическому анализу позволяет выявить закономерный характер семантического развития лексем, на первый взгляд лишенных содержательной мотивированности (под содержательной мотивированностью мы, вслед за Т. Р. Кияком, понимаем «способность внутренней формы отражать наиболее релевантные признаки языкового содержания слова или выражения» [3:77]). Продуктивность такого подхода попытаемся продемонстрировать на примере группы русских диалектных слов с корнями *баб-* и *дед-*.

Согласно этимологическим данным, о.-сл. **baba* имело значение «старая женщина», ср. лит. *boba* «старая женщина, старуха», латыш. *bāba* «то же» [9:1, 62; 8:1, 99]. Слово *ded* «родственно лтш. *dēds* «старик, чучело» [8:1, 494]. Как отмечает О. Н. Трубачев, значение «дед» для **dhēdh-*, слав. *dědъ* не представляется исконым. Первоначальное значение **dhēdh-* «дед, бабка, общее обращение к старшим» [7:97]. В этом отношении показательно, что в русских говорах лексемы с корнем *ded-* могут

обозначать пожилого человека не только мужского, но и женского пола: ср. *дедАня*, и, ж. Бабушка, а также повивальная бабка. Ряз., Тул. [5:7, 328]. Таким образом, доминантным семантическим признаком, формирующим этимологические значения данных слов, по-видимому, является сема «старый, старший».

Анализируя современную семантику слов *баба*, *дед* и их дериватов, мы обнаружили, что в говорах русского языка наряду с использованием в качестве терминов родства, обозначением предков, демонологических персонажей, растений, животных и др. данные лексемы достаточно регулярно приобретают предметные значения:

«4. *Баба*, ы, ж. 1. Вертикальный столб у колодезного журавля, на котором укреплен движущийся вверх и вниз шест или тонкое бревно с бадьей или с ведром. Иркут., Арх., Олон., Волог., Сиб., Якут. 2. Приспособление для наматывания ниток с мотка на клубок, состоящее из треножника с железным шпилем наверху, на котором вращаются две положенные накрест плоские палки с вертикальными колышками на концах; на них растянута моток ниток. Арх., Олон., Новг., Перм., Кемер., Том. // Деревянный треножник с железным шпилем наверху – подставка с осью для мотовила, на которое мотается пряжа при подготовке основы (продольных ниток будущей ткани). Свердл. ... 5. «Основной бык или устой, на который опирается весь закол сежи [сети]; ставится вдоль по течению реки». Пск. 6. ... Забитый в землю клин с широкой плоской верхушкой, на которую ставят шар в игре. Охпн. Перм.» [5:2:15];

«*Бабик*, а, м. Деревянная палка длиною в два аршина с шишкой на конце для игры в мяч. Оренб.» [5:2:19];

«3. *Бабина*, ы, ж. 1. Колодезный журавль. Волог., Калинин., Сиб. // Вертикальный столб у колодезного журавля. Урал., Волог. 2. Ступица в колесе. Опоч. Пск. 3. Столбы в изгороди, через которые продевают глоты (жерди)» *БабИна*, ы, ж. Осташк. Твер.» [5:2:19];

«3. *Бабка*, и, ж. 1. Столб, служащий для опоры чего-либо. <> Обычно мн. Вертикальные столбы под крышей избы, на которых держится выдолбленное бревно, положенное вдоль всей вершины крыши, чтобы крепче держалась солома. Волог. <> «Точеные деревянные столбики у крыльца или решетчатой ограды присадника вокруг дома» Ворон. <> Врытые в землю короткие столбы, на которые ставится крестьянский дом. Киров. <> Чурбан. Перм. <> Подставка, вертикальный столб у колодезного журавля, на котором укреплен шест с ведром или бадьей. Киров. 2. Столбы у полевых ворот (заворов)

с отверстиями, в которые вставляются жерди (заворницы). Волог., Сев.-Двин. ... || Толстый кол в плетне, не вбиваемый, а закапываемый. Твер. || Врытый в землю короткий столб. Вят. 3. «Тычина в середине суслон ржи» Сев.-Двин. 4. Подставка на трех ножках, на которой укрепляется приспособление для перематывания пряжи. Петерб., Новг., Вят., Смол. «...Бабка по своему внешнему виду напоминает штатив фотоаппарата» Волог. ... 6. Приспособление для рукоделия, состоящее из дощечки и вертикального столбика... Смол. 7. «Вкопанный в землю столб примерно в рост человека и 15–20 см в диаметре для «верстки» (скручивания) словых прутьев, идущих на «свивки»... Новг., Волог. 8. В игре в мяч – палка, колышек, воткнутый в землю на некотором расстоянии от играющих для обозначения границы. Курск., Орл. 9. *Бабки*, мн. Пара коротких железных стержней на лодке для наматывания причала, Нижне-Дон. ... 11. Деревянный брус, вставленный вертикально в днище плота. В эти бревна сначала забивались бабки, две бабки или четыре, если большой став. Том.» [5:2, 21–22];

«4. *Дед*, а, м. 1. Деревянный поплавок в виде крестовины с торчащим посередине колышком. Пск. 2. Средний кол у рыболовного снаряда «курица» (приспособление для лова мелкой рыбы в виде двух захлопывающихся деревянных дуг, на которые натянута сетка). Пск. 3. Подставка для лучины, светец. Зап.» [5:7, 328];

«2. *Дедка*, и, ж. 1. Используемый как весло шест, к концу которого подшита доска для захвата воды и упора на нее. Астрах. 2. Рукоятка весла, валец. Волог.» [5:7, 329];

«2. *Дедко*, а, ср. 1. Рукоятка весла, валец. Волог. 2. Основание устройства для наматывания и разматывания ниток. «Вверху у дедка металлическая ось, на которую насаживаются воробы – крестовина с веретенами» Ленингр.» [5:7, 330].

Очевидно, что эти значения объединяет интегральный семантический компонент – «что-либо, имеющее форму столба, шеста, палки, расположенное вертикально». На поверхностном (актуальном) уровне современного русского языкового сознания установить связь между данными значениями и первоначальной семантикой соответствующих лексем представляется чрезвычайно затруднительным. Показательно, что в «Словаре русских народных говоров» они трактуются как омонимичные. Не дают объяснения приведенных лексем и этимологи. Так, А. Г. Преображенский, возводя слово *бабайшка* «поплавок на удочке» к *баба* «короткий столбик чурбан», ничего не говорит о происхождении

последнего [4:1, 10]. Макс Фасмер, приводя лексемы *бабайка* «весло», «уключина» и *бабайшка* «поплавок на удочке», также не дает их этимологии, ссылаясь на трудности семасиологического характера [8:1, 100]. О. Н. Трубачев, замечая, что слово *баба* издавна имеет тенденцию к расширению значения, ср. значения «баба, жена, замужняя женщина», что отмечаются случаи переноса на неодушевленные предметы [7:100], не предлагает семасиологического обоснования такого семантического переноса.

Однако рассмотрение исследуемых лексем в более широком лингвокогнитивном контексте позволяет выявить семантическую связь между их первичными и производными значениями.

Чрезвычайно интересными и ценными в этом плане представляются наблюдения А. А. Потебни. Размышляя о связи понятий рода и роста, обнаруживаемой в славянском фольклоре, А. А. Потебня приходит к выводу о связи человеческой жизни с ростом дерева и вообще растения. «На основании некоторых слов можно думать, что наблюдение над изменениями человека от времени сделано было не непосредственно над человеком. Сначала замечены были и обозначены словом изменения дерева, и эти изменения послужили образом и объяснением возраста человеческого. На бессловесный вопрос, что такое возраст, возмужалость, старость и т. п., человек ответил себе: это то же, что фазы роста дерева; он ответил так, назвавши старость человека и т. п. словами, обозначающими прежде только явления растительной жизни. Так связаны были в мысли два различные явления» [3:332]. «Признак взрослого дерева, – продолжает А. А. Потебня, – тот, что оно стоит перпендикулярно (влр. обл. *стамо*, *стамово*, то есть стоймя), прямо, прочно, что оно высоко. Отсюда строевой, высокий лес называется *стоячим*: «выше лесу стоячего». Связь дерева и отвесного направления видна в серб. *дубити*, «стајати управо», стоять прямо (от *дубь* в смысле дерева вообще), *дупке* = пск. *в дыбка*, на задних ногах, прямо, дыбом, на дыбах. Связь отвесности, высоты и дерева находим в словах: млр. *stromитъ* (и др.-слав. языки), торчать, влр. обл. *стромко*, высоко, литер. *стремглав*, сторчъ головою, *стремнина* = серб. *стро*, крутизна, чеш. *strom*, дерево (как стоящее отвесно). Стоячий (высокий) лес служит образом человеческой старости в нем. *allt* (по Боппу, от корня *apodh*, расти, откуда и лат. *altus*, высокий), которое не только само по себе указывает на сравнение старости с высоким (выросшим, рослым) деревом, но и явственно сравнивается с *Wald*» [3:332]. Таким образом, представление о старости, по

мнению Потебни, связано с представлением о выросшем, вертикально стоящем дереве, поскольку старость граничит с возмужалостью, здоровьем, силою.

Эта первоначальная связь представлений, трансформируясь и модифицируясь, проявляется в семантике слов с различными корнями, формируя в результате когнитивную модель (в терминах Потебни – «привычка мысли»).

Реализацию данной модели демонстрирует, например, этимология прилагательного *старый* «существующий долгое время»; «проживший много лет», которое восходит к о.-с. **starъ, -a, -o*; и.-е. основа **stā-r(o)* – «большой», корень **stā- : *stb-*, тот же, что в русском *стоять : стоять* [9:II, 199].

В рамках рассматриваемой когнитивной модели может быть интерпретирована и семантическая связь слов *древний* и *дерево*, которые этимологами признаются генетически родственными. П. Я. Черных считает, что «эти слова принадлежат к одному корневому гнезду [и.-е.

корень **deru- : *dr(e)u- : *drem-]*. ... о.-с. **drevъnъ : *drevъnъ* сначала значило «крепкий (как дерево, как дуб)» > «сильный» > «превосходящий (других)», «предшествующий (другим)», отсюда «прежний», «давний» [9:1, 268].

Образ дерева в дальнейшем мог абстрагироваться и трансформироваться в образ любого вертикально стоящего твердого предмета, имеющего продолговатую, вытянутую форму (например, столба, палки, шеста).

В этом контексте представляется вполне допустимым предположить, что в семантике исследуемых нами слов с корнями *баб-* и *дед-* проявляется замеченная А. А. Потебней «привычка мысли», выразившаяся в «связи представлений» старости и вертикально стоящего дерева или предмета, его символизирующего – столба, шеста и т.п.

Этот вывод имеет гипотетический характер, является предварительным и требует дальнейшей разработки и подтверждения с привлечением более обширного лингвистического материала.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. — Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 37—67.
2. Кияк Т. Р. Мотивированность лексических единиц / Т. Р. Кияк. — Львов : Изд. ЛГУ «Вища школа», 1988. — 162 с.
3. Потебня А. А. О связи некоторых представлений в языке // Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре / Сост., подг. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова / Собрание трудов. — М. : Лабириント, 2000. — С. 329—356.
4. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1 : А—О / А. Г. Преображенский. — М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. — 674 с.
5. Словарь русских народных говоров. — В. 1—39. — Л. : Наука, 1965—2009.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
7. Трубаев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя // Трубаев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. — С. 9—290.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Макс Фасмер. — М. : Прогресс, 1987.
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. — 5-е изд., стереотип. / П. Я. Черных — М. : Русский язык, 2002.

© Л. В. Педченко, 2010